

Савинков Борис Викторович

Конь бледный

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б82

Б82 **Борис Викторович С.**
Конь бледный / Савинков Борис Викторович – М.: Книга по Требованию,
2025. – 127 с.

ISBN 978-5-519-84371-3

ISBN 978-5-519-84371-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

зеленѣть трава и въ лѣсу зацвѣтаетъ подснежникъ, по оврагамъ лежитъ еще снѣгъ. И странно: бѣлый снѣгъ и бѣлый цвѣтокъ. Ты не видала? Нѣтъ? Ты не поняла? Нѣтъ?

Она шепчетъ:

— Нѣтъ.

А я думаю объ Еленѣ.

9 марта.

Губернаторъ живетъ въ старинномъ домѣ. Кругомъ шпионы и часовые. Двойная ограда.

Насъ немного: пять человѣкъ. Ѳедоръ, Ваня и Генрихъ — извозчики. Они непрерывно слѣдятъ за нимъ и сообщаютъ мнѣ свои наблюденія. Эрнхъ химикъ. Она приготовитъ снаряды.

У себя за столомъ я по плану черчу пути. Я пытаюсь воскресить его жизнь. Въ залахъ его дома мы вмѣстѣ встрѣчаемъ гостей. Вмѣстѣ гуляемъ въ саду, за рѣшеткой. Вмѣстѣ прячемся по ночамъ. Вмѣстѣ молимся Богу.

Я его видѣлъ сегодня. Я ждалъ его на улицѣ. Долго бродилъ по замерзшему тротуару. Падалъ вечеръ, былъ сильный морозъ. Я уже потерялъ надежду. Вдругъ на углу приставъ махнулъ перчаткой. Городовые вытянулись во фронтъ, сыщики заметались. Улица замерла.

Мимо мчалась карета. Черные кони. Кучеръ съ рыжею бородою. Ручка дверецъ изгибомъ, желтыя спицы колесъ. Слѣдомъ—сами.

Въ быстромъ бѣгѣ я едва различилъ его. Онъ не увидѣлъ меня: я былъ для него улицей.

Счастливый, медленно, я вернулся домой.

10 марта.

Когда я думаю о немъ, у меня нѣтъ ни ненависти, ни злобы. У меня нѣтъ и жалости. Я равнодушенъ къ нему. Но хочу его смерти. Я вѣрю, что сила ломить солому, не вѣрю въ слова. Я не хочу быть рабомъ. Я не хочу, чтобы были рабы.

Говорять, нельзя убивать. Говорять еще, что одного можно убить, а другого нельзя. Всячески говорятъ.

Я не знаю, почему нельзя убивать. И не пойму никогда, почему убить во имя вотъ этого хорошо, а во имя вотъ того-то—дурно.

Помню,—я былъ въ первый разъ на охотѣ. Краснѣли поля гречихи, падала паутина, молчалъ лѣсъ. Я стоялъ на опушкѣ, у изрытой дождемъ дороги. Иногда шептали березы, пролетали желтые листья. Я ждалъ. Вдругъ непривычно колыхнулась трава. Маленькимъ сѣрымъ комочкомъ изъ кустовъ выбѣжалъ заяцъ и осторожно присѣлъ на заднія лапки. Озирался кругомъ. Я, дрожа, поднималъ ружье. По лѣсу прокатилось эхо, синій дымъ растаялъ между березъ. На залитой кровью, побурѣвшей травѣ бился раненый заяцъ. Онъ кричалъ, какъ ребенокъ плачетъ. Мнѣ стало жалко его. Я выстрѣлилъ еще разъ. Онъ умолкъ.

Дома я сейчасъ же забылъ о немъ. Будто онъ никогда и не жилъ, будто не я отнял у него самое цѣнное—жизнь. И я спрашиваю себя: почему мнѣ было больно, когда онъ кричалъ? Почему мнѣ не было больно, что я для забавы убилъ его?

11 марта.

Федоръ—бывшій рабочій. Онъ въ синемъ халатѣ, въ извозничьемъ картузѣ. Сосетъ съ блюдечка чай.

Я говорю ему.

— Ты гдѣ былъ тогда?

— Я-то? Я въ домѣ сидѣлъ.

— Въ какомъ домѣ?

— Въ школѣ, въ городской, то-есть.

— Зачѣмъ?

— Въ резервѣ я былъ.

— Значить, ты не стрѣлялъ?

— Какъ нѣтъ?

— Да ты расскажи.

Онъ машетъ рукой.

— Да что... Тутъ скоро шумъ большой вышелъ. Потолокъ пробило.

— А ты что?

— Я? Что-жъ я? Я главнѣе въ резервѣ былъ. А потомъ приказъ вышелъ: уходить. Ну, мы видимъ: дѣла хоть закуривай. Подождали малое время—ушли.

— Куда-жъ вы ушли?

— А въ нижній этажъ ушли. Тамъ ловчѣе.

Онъ говоритъ неохотно. Я жду.

— Да, — продолжаетъ онъ, помолчавъ.—Была тутъ одна... со мной солидарная... въ родѣ будто жена.

— Ну?

— Ну, ничего... убили ее.

За окномъ гаснетъ день.

13 марта.

Елена замужемъ. Она живетъ здѣсь. Я ничего больше не знаю о ней. По утрамъ, въ свободные дни, я брожу по бульвару вокругъ ея дома. Пушится иней, хруститъ подъ ногами снѣгъ. Я слышу, какъ медленно бьютъ на бабинѣ часы. Уже 10 часовъ. Я сажусь на скамью, терпѣливо считаю время. Говорю себѣ: я не встрѣтилъ ея вчера, я встрѣчу ее сегодня.

Годъ назадъ я впервые увидѣлъ ее. Весной былъ проѣздомъ въ Н. и утромъ ушелъ въ паркъ, большой и тѣнистый. Надъ мокрой землей вставали крѣпкіе дубы, стройные тополя. Было тихо, какъ въ церкви. Даже птицы не пѣли. Только журчалъ ручей. Я смотрѣлъ въ его струи. Въ брызгахъ сверкало солнце. Я слушалъ голосъ воды. Я поднялъ глаза. На другомъ берегу въ зеленой сѣткѣ вѣтвей стояла женщина. Она не замѣчала меня. Но я уже зналъ: она слышитъ то, что я слышу.

Это была Елена.

14 марта.

Я у себя въ комнатѣ. Наверху, надо мной, тихо звенить фортепіано. Шаги тонуть въ мягкомъ коврѣ.

Я привыкъ къ нелегальной жизни. Привыкъ къ одиночеству. Не хочу знать будущаго. Стараюсь забыть о прошедшемъ. У меня нѣтъ родины, нѣтъ имени, нѣтъ семьи. Я говорю себѣ:

Un grand sommeil noir
Tombe sur ma vie,
Dormez, tout espoir,
Dormez, tout envie.

Но вѣдь надежда не умираетъ. Надежда на что? На „звѣзду утреннюю“? Я знаю: если мы убили вчера, то убьемъ и сегодня, неизбѣжно убьемъ и завтра. „Третій ангелъ вылилъ чашу свою въ рѣки и источники водъ и сдѣлалась кровь“. Ну, а кровь водой не зальешь и огнемъ не выжжешь. Съ нею, — въ могилу.

Je ne vois plus rien,
Je perds la mémoire
Du mal et du bien.
O, la triste histoire!

Счастливъ, кто вѣритъ въ воскресеніе Христа, въ воскрешеніе Лазаря. Счастливъ также, кто вѣритъ въ социализмъ, въ грядущій рай на землѣ. Но мнѣ смѣшны эти старыя сказки, и 15 десятинъ раздѣленной земли меня не прельщаютъ. Я сказалъ: я не хочу быть рабомъ. Неужели въ этомъ моя свобода? Какая жалкая свобода... И зачѣмъ мнѣ она? Во имя чего я иду на убійство? Во имя крови, для крови?..

Je suis un berceau,
Qu'une main balance
Au creux d'un caveau
Silence, silence...

Въ двери стучать. Это Эрна.

17 марта.

Я не знаю, почему я иду... но знаю, почему идутъ многіе. Генрихъ убѣжденъ, что такъ нужно. У Федора убили жену. Эрна говоритъ, что ей стыдно жить. Ваня... Но пусть Ваня скажетъ самъ за себя.

Наканунѣ онъ возилъ меня по городу. Я назначилъ ему свиданіе въ скверномъ трактирѣ

Снѣ пришелъ въ высокихъ сапогахъ и поддевкѣ. У него теперь борода и волосы острижены въ скобку. Онъ говорить:

— Послушай, думалъ ты когда-нибудь о Христѣ?

— О комъ?—переспрашиваю я.

— О Христѣ? О Богочеловѣкѣ Христѣ?... Думалъ ли ты, какъ вѣровать и какъ жить? Знаешь, у себя на дворѣ я часто читаю Евангеліе и мнѣ кажется есть только два, всего два пути. Одинъ—все позволено. Понимаешь ли: все. И тогда — Смердяковъ. Если, конечно, смѣть, если на все рѣшиться. Вѣдь если нѣтъ Бога и Христосъ—человѣкъ, то нѣтъ и любви, значитъ, нѣтъ ничего... И другой путь — путь Христовъ ко Христу... Слушай, вѣдь если любишь, много, по-настоящему любишь, можно тогда убить, или нельзя?

Я говорю:

— Убить всегда можно.

— Нѣтъ, не всегда. Нѣтъ, убить —тяжкій грѣхъ. Но вспомни: нѣтъ больше той любви, какъ если за други своя положить душу свою. Не жизнь, а душу. Пойми: нужно крестную муку принять, нужно изъ любви для любви на все рѣшиться. Но непременно, непременно изъ любви и для любви. Иначе—опять Смердяковъ, то-есть путь къ Смердякову. Вотъ я живу. Для чего? Можетъ быть, для смертнаго моего часа живу. Молюсь: Господи, дай мнѣ смерть во имя любви. А объ убійствѣ вѣдь не помолишься. Убьешь, а молиться не станешь... И вѣдь знаю: мало во мнѣ любви, тяжелъ мнѣ мой крестъ.

— Не смѣйся,—говорить онъ черезъ минуту, — за-

чѣмъ и надъ чѣмъ смѣешься? Я Божьи слова говорю, а ты скажешь: бредъ. Вѣдь ты скажешь, ты скажешь: бредъ?

Я молчу.

— Помнишь, Іоаннъ въ Откровеніи сказалъ: „Въ тѣ дни люди будутъ искать смерти, но не найдутъ ея, пожелаютъ умереть, но смерть убѣжитъ отъ нихъ“. Что же, скажи, страшнѣе, если смерть убѣжитъ отъ тебя, когда ты будешь звать и искать ее? А ты будешь искать. Какъ прольешь кровь? Какъ нарушишь законъ? А проливаемъ и нарушаемъ. У тебя нѣтъ закона, кровь для тебя — вода. Но слушай же меня, слушай: будетъ день, вспомнишь эти слова. Будешь искать конца, не найдешь: смерть убѣжитъ отъ тебя. Вѣрую во Христа, вѣрую. Но я не съ нимъ. Недостойнъ быть съ нимъ, ибо въ грязи и въ крови. Но Христосъ, въ милосердіи своемъ, будетъ со мною.

Я пристально смотрю на него. Я говорю:

— Такъ не убій. Уйди.

Онъ блѣднѣетъ:

— Какъ можешь ты это сказать? Какъ смѣешь? Вотъ, душа моя скорбитъ смертельно. Но я не могу не идти, ибо я люблю. Если крестъ тяжелъ, — возьми его. Если грѣхъ великъ, — прими его. А Господь пожалѣетъ тебя и проститъ. — И проститъ, — повторяетъ онъ шопотомъ.

— Ваня, все это вздоръ. Не думай объ этомъ.

Онъ молчитъ:

На улицѣ я забываю его слова.

19 марта.

Эрна всхлипываетъ. Она говоритъ сквозь слезы:

— Ты меня совсѣмъ разлюбилъ.

Она сидитъ въ моемъ креслѣ, закрывъ руками лицо. Странно: я никогда раньше не замѣчалъ, что у нея такія большія руки.

Я внимательно смотрю на нихъ и говорю:

— Эрна, не плачь.

Она подымаетъ глаза. Носъ у нея покраснѣлъ и нижняя губа некрасиво отвисла. Я отворачиваюсь къ окну. Она встаетъ и робко трогаетъ меня за рукавъ:

— Не сердись. Я не буду.

Она часто плачетъ. Сначала краснѣютъ глаза, затѣмъ опухаютъ щеки, наконецъ, незамѣтно выкатывается слеза. У нея тихія слезы.

Я беру ее къ себѣ на колѣни.

— Послушай, Эрна, развѣ я когда-нибудь говорилъ, что люблю тебя?

— Нѣтъ.

— Развѣ я тебя обманулъ? Развѣ я не сказалъ, что люблю другую?

Она вздрогнула и не отвѣчаетъ.

— Говори же.

— Да. Ты сказалъ.

— Слушай же дальше. Когда мнѣ станетъ съ тобой тяжело, я не солгу тебѣ, я скажу. Вѣдь ты мнѣ вѣришь?

— О, да.

— А теперь не плачь. Я ни съ кѣмъ. Я съ тобою.

Я цѣлую ее. Счастливая, она говоритъ:

— Милый мой; какъ я люблю тебя.

А я глазъ не могу оторвать отъ ея большихъ рукъ.

21 марта.

Я не знаю ни слова по-англійски. Въ гостиницѣ, въ ресторанѣ, на улицѣ я говорю на ломаномъ, русскомъ языкѣ. Выходятъ недоразумѣнія.

Вчера я былъ въ театрѣ. Рядомъ со мной,—купецъ, толстый, красный, съ потнымъ лицомъ. Онъ сопить и угрюмо дремлетъ. Въ антрактѣ поворачивается ко мнѣ:

— Вы какой націи?

Я молчу.

— Я спрашиваю: какой вы націи?

Я, не глядя на него, отвѣчаю:

— Подданный Его Величества Великобританскаго короля.

Онъ переспрашиваетъ:

— Кого?

Я поднимаю голову и говорю:

— Я англичанинъ.

— Англичанинъ? Такъ-съ, такъ-съ, такъ-съ... Самой мерзкой націи. Такъ-съ. Которые на японскихъ мипоносцахъ ходили, у Цусимы Андреевскій флагъ топили, Портъ-Артуръ брали... А теперь, извольте, къ намъ въ Россію пожаловали. Нѣтъ, не позволяю я этого.

Собираются любопытные. Я говорю:

— Прошу васъ молчать.

Онъ продолжаетъ:

— Въ участокъ его. Можетъ, онъ опять японскій

шпіонъ или жуликъ какой... Англичанинъ. Знаемъ мы ихъ, англичанъ этихъ... И чего полиція смотритъ?

Я щупаю въ карманъ револьверъ.

— Второй разъ: прошу васъ молчать.

— Молчать? Нѣтъ, братъ, пойдёмъ въ участокъ. Тамъ разберутъ. Недозволено, чтобы, значитъ, шпіоны. Нѣтъ. Ура! Съ нами Богъ!

Я встаю. Смотрю въ упоръ въ его круглые, налитые кровью глаза и говорю очень тихо:

— Въ послѣдній разъ: молчать.

Онъ пожимаетъ плечами и молча садится.

Я выхожу изъ театра.

24 марта.

Генриху 22 года. Онъ бывшій студентъ. Еще недавно онъ ораторствовалъ на сходкахъ, носилъ пенсне и длинные волосы. Теперь, какъ Ваня, онъ огрубѣлъ, похудѣлъ и обросъ небритой щетиной. Лошадь у него тощая, сбруя рвапая, сани подержанныя, — настоящій Ванька.

Онъ везетъ насъ: меня и Эрпу. За заставой обернулся и говоритъ:

— Намедни попа одного возилъ. На Круглую площадь рядился, пятиалтынный давалъ. Ну, а гдѣ она, Круглая площадь? Везу. Крутилъ я, крутилъ. Сталь, наконецъ, попъ ругаться: куда везешь, сукинъ сынъ? Я, говоритъ, тебя въ полицію представлю. Извозчикъ, говоритъ, долженъ городъ, какъ мѣшокъ съ овсомъ, знать, а ты, говоритъ, эззамень, небось, за цѣлковый сдалъ. Насилу я